

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВАЛЕРИЯ БРАЙТ

БЫВШИЕ

Ночь изменившая всё

Валерия Брайт

Бывшие. Ночь изменившая всё

<https://litres.ru/74519014>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я кладу фото на стол перед Ветром.

– Это кто? – спокойно, почти лениво, вопросительно выгибает бровь Макс

– Мой сын. – с трудом выдавливаю из себя.

Он чуть подаётся вперёд, глаза темнеют, но голос по-прежнему холоден:

– И? Мне эта информация к чему?

Горло сжимает страх, но я смотрю прямо в его глаза:

– К тому что ты его отец. Его похитили И если это ты

– Во-первых, я не похищаю детей. Во-вторых, если нужна помощь, могла просто попросить. Не стоит заливать мне бред про отцовство. Поздно для дешёвых спектаклей, Алиса.

Пять лет назад, я убежала прочь от этого человека. Так далеко, насколько смогла. Но теперь, ради сына, я вновь вынуждена с ним столкнуться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Валерия Брайт Бывшие. Ночь изменившая всё

Глава 1

Алиса

В офисе жарко, несмотря на открытое окно. Липкий июль наваливается даже сюда, сквозь стены и жалюзи, и вентилятор в углу лишь гудит, лениво, почти в такт моим мыслям. Я откидываюсь на спинку стула, растираю пальцами виски. За сегодня три сложные семьи, две комиссии, один срыв. Осталось и один визит к семье Орлова, и можно будет выдохнуть.

В коридоре слышатся резкие, уверенные шаги. Через секунду в дверь заглядывает Лариса Ивановна, наша заведующая, энергичная женщина лет шестидесяти, с вечным румянцем и голосом, который способен перекрыть даже пожарную сирену.

— Алисочка, милая, — говорит она, улыбаясь так, как улыбаются только при появлении важных людей. — Пройди со мной. Познакомлю тебя с теми, кто будет курировать

новую программу. Там серьёзные люди. Очень. Я сама всегда общалась только с посредниками, а теперь, для реализации проекта, сюда приехал сам владелец фонда. Киваю, беру блокнот, рефлексорно, как броню, и встаю. Вдох, и иду за ней по коридору. Я здесь работаю уже три года, но мне кажется, что уже целую вечность. «Дом Солнца» — это муниципальный социально-психологический центр помощи детям и семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Расположен в старинном особняке с высокими потолками, зелёным двором и облупленной табличкой у входа, он одновременно уютный и слегка уставший от жизни, как и многие его подопечные. После рождения сына, я сама сюда попала. Теперь я здесь работаю, и такую же помощь стараюсь оказать другим. Мое образование психолога, которое мне когда-то казалось неважным и ненужным, и универ я закончила только потому, что пообещала своей покойной маме, очень помогло мне построить новую жизнь.

Лариса Ивановна идёт впереди бодрой походкой, я едва поспеваю за ней. В голове пусто, только мелькает: ещё одна комиссия, ещё одна встреча, боже, когда же всё это закончится. Я уже думаю о том, как быстрее смыться домой к сыну, к прохладному душу, к молчанию. Заведующая распахивает дверь в переговорную, и я машинально делаю шаг внутрь.

И в тот же миг мир ломается. Всё замирает. Мир будто падает в вязкое беззвучие, где ничего не двигается, не дышит. В глазах чуть темнеет, как от резкого удара по виску. Глаза

цепляются за человека, которого не должно здесь быть. От которого, я убежала, как мне казалось на другой конец света. Но мир все-таки очень тесен.

Максим Ветров, человек, которого я ненавижу каждой клеточкой своего тела. Спустя пять лет, снова стоит передо мной. Стоит у окна, в пол-оборота, будто специально, чтобы я могла рассмотреть его профиль. Белая рубашка с закатанными до локтя рукавами подчёркивает сильные руки, чуть загорелая кожа, на виске тонкая нить шрама, которой раньше не было. Волосы стали короче, в лице ещё больше спокойствия, даже отрешённости, но я узнаю его сразу. Не по телу, не по голосу, по энергетике. По холоду, который будто вливается в комнату вместе с ним. Он не должен быть здесь. Я сбежала. Я исчезла. Я стёрла всё, чтобы никогда больше его не видеть. Но вот он. Прямо передо мной. В этом кабинете, в этом дурацком летнем свете, среди делового смеха и запаха кофе. В груди больно сжимается, будто память бьёт током по нервам.

— Знакомьтесь, — говорит Лариса Ивановна с торжественной ноткой. — Это Максим Андреевич Ветров. Руководитель фонда "Пульс города", наш партнёр. Наш покровитель уже долгие годы. А это, Алиса Сергеевна Корнилова, куратор семей с трудностями. Умница, талант, и просто красавица наша. Сердце центра, хоть и работает у нас всего три года.

Всё внутри меня застывает. Я почти не слышу её. Только

чувствую, как сердце грохочет в груди, как пульс отдается в шее, как горло сжимается. Максим смотрит на меня спокойно, пристально. Глаза, холодные, серые, как гладь озера перед бурей, смотрят слишком долго. Слишком внимательные. Чувствую, как ноги становятся ватными. Его взгляд скользит по лицу, задерживается, и я замечаю, как едва заметно напрягается линия челюсти. Пальцы на столе сжимаются в кулак, и тут же расслабляются. Снова ледяное спокойствие. Но я знаю его слишком хорошо, чтобы не увидеть эту крошечную трещину.

— Очень приятно, Алиса...Сергеевна. — произносит он наконец. Его голос стал глубже. В нём нет гнева. Нет ярости. Но он царапает меня, как наждаком изнутри. Звук, от которого хочется зажать уши. Звук, в котором слишком много молчаливого смысла.

Глава 2

Алиса

Макс делает два медленных шага ко мне. Его рука тянется вперёд. Спокойно, как будто это обычная встреча. Как если бы мы не знали друг друга. Как если бы между нами не лежали годы лжи, недосказанности и предательства.

— Мне тоже... — отвечаю я. Слишком тихо. Слишком сдержанно. Мое имя, произнесенное им, звучит как выстрел. Внутри всё сжимается, будто он не мою руку пожал, а схватил мое сердце и сжал его в кулаке. Его ладонь тёплая, уверенная. Слишком уверенная. Всего лишь пожатие, но кожа вспыхивает, и я вспоминаю, что эти пальцы держали меня когда-то иначе. Он отпускает, и я будто падаю обратно в своё тело. Хватаю воздух. Не подаю виду. Но внутри всё дрожит.

— Это моя помощница, Дарья, — говорит он ровно, легко, почти вяло. Словно говорит это простому сотруднику центра, совершенно чужому человеку, а не жене, которую когда-то любил. Хотя любил ли...

— И будущая жена, — слышу знакомый голос и мир снова как будто трескается.

Слышу фразу, но не сразу понимаю её смысл. Она дого-

няет меня, как удар. Медленный. Звонкий. Стоит чуть поодаль, за спиной Макса. Девушка моего брата. Моя лучшая подруга. Нет, была. Наверное... Теперь просто... девушка в платье цвета мяты с идеально уложенными волосами и лёгким сияющим макияжем. Выглядит прекрасно. Спокойно. Уверенно. Улыбается так, будто не помнит, как я в слезах звонила ей ночью. Как пряталась у неё в квартире. Как уходила оттуда с разбитым сердцем. Она делает шаг вперёд и протягивает руку. И я на автомате тяну свою.

— Алиса, очень приятно, — голос у неё мягкий. Наигранно безупречный. Она хорошо натренировалась за эти пять лет. Совсем не такая, как была в годы нашей дружбы. Её пальцы чуть сильнее сжимают мои, чуть дольше, чем надо. Намёк? Предупреждение? Или демонстрация силы?

Я улыбаюсь. На лице всё та же маска из прошлой жизни. Улыбка вежливая, как на корпоративных фото. Никто бы и не догадался, что внутри всё разламывается на части.

Господи, это кошмар. С трудом осознаю, что происходит. Мы все делаем вид. Каждый идеальный актёр в пьесе, где не существует прошлого. Где не было боли, предательства. Где я не держала тест в руках, не бежала, не рвала связи.

Лариса Ивановна говорит что-то про маршрут проекта. Про количество семей, которым они уже помогли. Голос доносится до меня будто сквозь воду. Расплывчатый и монотонный. Я не слышу. Я не могу слышать. Потому что передо мной стоит Макс. Он бросает на меня взгляд, короткий,

скользящий, будто по стене. Пустой. Отстранённый. Ни намёка на признание. Ни одной искры воспоминаний. Будто я для него пустое место. И именно это разрывает меня изнутри. Он всё помнит. Чувствую это каждой клеткой. Это в том, как он чуть прищурил глаза, когда услышал моё имя. В том, как его пальцы чуть подрагивали, прежде чем он пожал мою руку. Он помнит. Но делает вид, что не знает меня вовсе.

А я чувствую, как земля уходит из-под ног. Упираюсь рукой в стол, чтобы просто не свалиться. Максим говорит с Ларисой Ивановной, кивает на цифры в презентации, комментирует проект. Даша демонстративно отворачивается от меня и вставляет короткие реплики в разговор. А я продолжаю стоять. С прижатым к груди блокнотом, как щитом от их мира, в который мне больше нет доступа. И дышу. Медленно. Всё внутри меня кричит, срываясь в беззвучный крик. Но снаружи только вежливая тишина. Только еле заметный вздох и мраморная маска на лице. Я не позволю себе дрогнуть. Не здесь. Не перед ним.

Когда разговор заканчивается, Макс встаёт. Спокойно, медленно. Пожимает руку Ларисе Ивановне.

— Благодарю за приём. Всё очень достойно организовано, — кивает он.

Поворачивается ко мне. На секунду его взгляд встречается с моим. В глазах ничего. Просто серый лёд. И этого хватает, чтобы меня обдало морозом от головы до пят.

— Было приятно познакомиться, — говорит он.

Прямо в лицо. Без единой трещины в голосе. Я едва киваю. Не в силах сказать ни слова. Даша выходит следом. Даже не глядя в мою сторону. Пять лет прошло после нашего развода, я ничего о нем не слышала. И мне казалось, что никогда больше не услышу, и не увижу. Мне казалось, я сделала все возможное, чтобы этого никогда не произошло. И вот он снова здесь. В шаге. В одном здании. С моей бывшей подругой. И с моим молчанием, которое скоро разорвётся в крик.

Глава 3

Алиса

Выхожу из кабинета, но не делаю и двух шагов, как воздух становится тяжёлым, будто его откачали. Сердце колотится где-то в горле. Ступни словно налиты свинцом. Останавливаюсь, прижимаюсь спиной к стене. Она холодная, гладкая. Закрываю глаза и делаю глубокий вдох, зря. Перед глазами снова всплывает его взгляд. Спокойный. Холодный. Отстранённый.

Зачем он здесь? Почему он так спокойно отреагировал? Он знает? Он наверное знает всё, следил за мной? Но... почему тогда не появлялся все это время? Господи, покровитель уже несколько лет. Как? Это же совсем в другом конце страны. Черт! Если он следил за мной, то он точно знает о Тёме!

Меня начинает трясти. Если я сейчас шагну, то просто упаду. Как в лихорадке, когда тело больше не подчиняется. Но мысль о том,ей что Макс заберёт у меня сына, просто сводит сума! Хотя он не может думать, что это его сын, я же Дашке тогда сказала, что избавилась от ребенка, по ее же наставлению! Вот же дура, как я вообще могла верить ей.

Своей лучшей подруге, а она просто пробивала себе дорогу к Ветру!

— Алиса! — слышу голос Вари. Близкий, реальный.

Открываю глаза, поворачиваю голову. Варя уже рядом. Маленькая, рыжая, кудрявая, в белом халате. Хмурится. Смотрит внимательно.

— Ты бледная, как мел. Ты что, с привидением встрети-лась? — пытается пошутить, но тут же смягчается. — Пойдём. Идти можешь?

— Да, — шепчу одними губами. Я не узнаю свой голос. Он будто чужой.

Она подхватывает меня под локоть. Удивительно крепкая. Тянет в сторону своего медкабинета.

— Дыши, не вздумай падать. У меня и так давление один раз сегодня подскочило, теперь хватит.

Послушно иду, словно на автопилоте. Она открывает дверь, усаживает меня на кушетку. Приносит стакан воды. Протягивает.

— Вот. Медленно. Глоток. Потом ещё.

Беру воду. Руки трясутся. Сама себя не узнаю. Варя садится рядом, молчит. Просто сидит. Её локоть касается моего, и это единственное, что сейчас даёт опору

— Он... — начинаю я, но замолкаю. Всё застревает в горле. — Ветер...

Варя внимательно смотрит мне в глаза и шепчет: — Потом расскажешь. Сначала дыши. Ты в безопасности. Здесь — ты

в безопасности. Слышишь?

Я качаю головой, но поверить снова в слова, которые мы все привыкли говорить нашим подопечным, не могу. Встаю с кушетки и подхожу к окну. Безопасность? Смешно. Какой к чёрту покой, если в одном здании со мной — Максим Ветров. Ветер - мой личный ад в дорогом пиджаке. Вытираю слезы, которые предательски скатились, сжимаю челюсть. Не плакать. Не дрожать. Не показывать, что мне страшно. Он не увидит, как меня зацепило. Никогда.

— Безопасность! — Оборачиваюсь к Варе. — Как появился, так и исчезнет. Или исчезну я. Главное, чтобы не с грохотом и не с очередным надгробием.

— Ты думаешь... он за тобой пришёл? — осторожно спрашивает она.

— Не знаю, Варь. Я если честно до сих пор в шоке, что у меня получилось с ним развестись. Он не хотел давать развод. Я тогда узнала совершенно другую сторону Ветра. Ту которую знали все окружающие, а я очень долго не хотела ее видеть. Брат помог мне с хорошим адвокатом. И потом, позаботился, чтобы меня не нашли, другая жизнь, другая фамилия, другая придуманная история. Ветрова никогда не должно было быть снова в моей жизни. Жаль только Никита о своей жизни не позаботился... Случайность это или нет, понятия не имею. Но если бы Макс знал, где я, он бы не играл в благотворительность. Он бы мстил, за то что я все его планы испортила, и его репутацию хорошего семьянина. Его семья

точно бы нашла способ отомстить мне.

— Семья? Но ты же говорила, у него никого не было... кроме этой его организации.

— Так и было. У него никого. Ни крови, ни привязанностей. Только правила. Только лестница наверх по головам. Эта организация и есть его семья. Тогда... Сейчас, не знаю. И знать не хочу. Этот человек убил моего брата. Пусть и чужими руками. И даже если бы в этой жизни остались только мы вдвоём, я всё равно обошла бы его стороной.

— Даже если у тебя от него ребёнок... — осторожно говорит Варя.

Я поднимаю подбородок и твердо произношу.

— Особенно если у меня от него ребёнок. — Делаю шаг вперёд, сажусь на край кушетки. — Я не дам своему сыну расти в мире, где слово любовь означает власть, а семья — это структура с иерархией и долговыми списками. Стираю зубы вспоминая прошлое.

— Мне было девятнадцать. Я мечтала родить ему сына, держать его за руку и не бояться за завтрашний день. Господи, какая же я была наивная. Целый год в сердечках и мечтах о хорошем в плохом человеке. Мне казалось тогда Ого, как все круто! такой важный человек выбрал меня. Мне с ним ничего не страшно, пусть кто-то посмеет косо посмотреть в мою сторону, и он испепелит его. Пусть только какая-то проблема появится у меня на пути, и Ветер все решит. Не знаю кто он сейчас, но пять лет назад, он занимал не послед-

нее место в Красном Обводе, в группировке которой состоял и мой брат. Но как только я узнала, что под моим сердцем бьется еще одно сердечко, во мне что-то щелкнуло. В одну секунду все изменилось. Мои глаза словно открылись и в один миг я прозрела.

— Моя хорошая... — Варя кладёт ладонь мне на плечо.

Но я уже не та девочка, что когда-то пряталась за спинами других. За спиной Ветра.

— Ничего, Варь. — выпрямляюсь. — Я выбралась из той жизни однажды, выберусь и сейчас. И не просто выберусь, вытяну себя за волосы, если придётся. Теперь у меня есть тот, ради кого я не имею права сломаться. Бросаю взгляд на окно.

— Пусть Ветров думает, что он меня сломал. Он даже не представляет, насколько я теперь другая.

Варя улыбается. Грустно, но с уважением.

— Вот это я понимаю, моя Алиса вернулась.

Вздыхаю понимая, что у меня нет права на слабость. Цепляю взглядом настенные часы и понимаю что если еще немного задержусь, то опоздаю на встречу с Орловыми. А я так с трудом уговорила Лену.

Глава 4

Алиса

Стою у подъезда старой хрущёвки, выцветшей и уставшей, как и большинство домов в этом районе. Лето в городе, вещь обманчивая: вроде бы тепло, но на душе зябко. Рядом со мной Алексей. Высокий, крепкий, с короткой стрижкой и внимательным взглядом. Он не говорит лишнего, просто стоит рядом, стена. Но именно его присутствие даёт мне ту самую уверенность, которая нужна, когда заходишь в дома, где пахнет страхом, потом и дешевым перегаром.

Доходим до нужной квартиры, я нажимаю на звонок. Из-за двери доносится глухой топот и еле слышное «Сейчас!». Потом скрип замка и дверь открывается. Елена Орлова пропускает нас вперед и снова закрывает дверь. Худощавая, с ввалившимися щеками, синяком под глазом и усталым взглядом. Мне достаточно одного взгляда, чтобы понять: ночь была тяжёлой. Возможно, даже не одна.

Прохожу внутрь. Алексей остаётся в дверях, слегка развернувшись боком, чтобы и видеть меня, и держать ситуацию под контролем. Молчаливый, но грозный сигнал: «Не вздумай». Вхожу в квартиру и сразу ощущаю тяжёлый запах

табака, старого ковра и дешёвого одеколona. Здесь всё будто пропитано страхом, тем, что ползёт по коже, затягивая в себя, как трясина.

— Алиса Сергеевна, — Елена выдыхает моё имя, как спасательный круг. — Спасибо, что пришли. Он... он ещё утром ушёл. Сказал, что скоро вернётся.

— Я не надолго, Лена, — говорю спокойно, но твёрдо.

Проходим в комнату. Семилетний Мишка сидит в углу, играя с потрёпанным медвежонком. Глаз у игрушки нет, лапа перетянута изолентой. Он не смотрит на нас, но я чувствую его внимание. Ребёнок насторожен, как зверёныш, приученный бояться любого шороха.

Я присаживаюсь на корточки на уровне его глаз.

— Привет, Миш. Помнишь меня?

Он кивает, не отрываясь от медвежонка.

— У меня для тебя будет сюрприз, когда мы с мамой закончим разговор. Ты подождёшь нас чуть-чуть?

Он молчит, но снова кивает. Этого достаточно. Мы с Леной переходим в кухню. Она садится, сжимая пальцы в кулаки, и я вижу, как дрожат её руки.

— Лена, я не буду ходить вокруг да около. У нас есть достаточно оснований для подачи документов на временное ограничение отца в правах. И мы можем инициировать процедуру по лишению.

— Он убьёт меня, если узнает. Он... он уже говорил, что если я "стукну хоть куда-то", мне крышка.

— Лена, — я кладу руку поверх её дрожащих пальцев. — "Дом Солнца" вас не бросит. У нас есть временное жильё для матерей с детьми. У нас есть психологи, юристы, и если понадобится охрана. Я не обещаю рай, но я обещаю, что вы не будете одни. И никто не причинит вам вреда, пока вы с нами.

— Вы уверены? Это сработает?

— Я уверена. Но мне нужна и ваша решимость. Мишка уже живёт в страхе. Если мы не остановим это сейчас, потом будет поздно. Вы хотите, чтобы он вырос и стал таким же, как его отец?

Елена качает головой. Слёзы текут по щекам.

— Нет. Не хочу. Ради него я готова на всё.

Я вытаскиваю из сумки папку с бумагами.

— Тогда давайте начнём. Это заявление. Вот доверенность. Я всё объясню.

Проходит минут сорок. Мы заполняем документы, обсуждаем план эвакуации, контакты службы. Я рассказываю, куда и когда её отвезут, как будет организовано сопровождение. В этот момент слышится звук, как кто-то копошится с замком двери. Мишка испуганный прибегает к нам. Лена замирает, как мышь, прижав сына к себе. Я выпрямляюсь, встаю между ними и дверью. — Не бойтесь. Сейчас выйду сама. Вы с Мишей никуда не выходите, пока я не скажу.

Дверь резко распахивается. На пороге Орлов. Ростом выше меня, широкоплечий, с бритой головой и запавшими гла-

зами. Смотрит на меня, будто на чужака в своей берлоге. Но я не одна. Алексей сразу встаёт между нами. Он не делает ни одного лишнего движения, просто перекрывает собой проход, блокируя мужчину. Говорит спокойно, без надрыва: — Стой где стоишь!

Тот слегка пятится от неожиданности. — Не понял! — бормочет он. — Чего вас тут понаехало?

Я выхожу из-за спины Алексея, встаю рядом.

— Алиса Сергеевна Корнилова. Куратор Центра поддержки семей. Мы с вашей супругой обсуждали важные вопросы.

Он хмыкает, скалится, будто хочет показать зубы. — Смелая ты. Знаешь, что в чужой дом без спросу не ходят?

— Знаю. — Улыбаюсь вежливо, почти мягко. Но внутри как перед боем. — Но если в доме опасность, я не спрашиваю разрешения. Я прихожу и делаю свою работу. И, насколько мне известно, это не ваша квартира, а квартира Елены.

Он делает шаг в мою сторону, и тут Алексей сдвигается, блокируя его жёстко, плечом, без слов.

Мужчина застывает. Я смотрю ему прямо в глаза. — Попробуй только. Прикоснись к ним ещё раз и окажешься снова за решёткой. Только на этот раз без права на условное. Я тебя туда лично доведу.

Он молчит. Долго. Затем хрипло смеётся.

— Ну-ну. Делай свою работу, леди в пиджаке. Только потом не удивляйся, если окна в твоём доме ночью вылетят.

Алексей делает шаг вперёд. Мужчина пятится. Он покры-

вает нас матом, затем разворачивается и уходит. Дверь хлопает. Гулкий звук, от которого всё внутри на миг сжимается. Мы остаёмся в тишине.

Захожу обратно в комнату. Лена стоит у стены, всё ещё обнимая сына. Он прячется у неё под рукой, но теперь уже не дрожит так сильно.

– Все хорошо, собирайтесь и мы поедem.

Лена кивает. В глазах впервые за долгое время появляется искра. — Ты храбрый, Миш. Всё позади.

Он кивает.

Когда они собираются, Алексей берёт сумку, я помогаю Лене. Мы выходим в тёплый вечер, в котором теперь больше воздуха. Сегодня я снова выиграла маленькую войну.

Глава 5

Алиса

Наконец-то рабочий день закончился. Я помогла Лене и Мише устроиться в комнатах, убедилась, что они в безопасности, оставила свои контакты на всякий случай. Теперь можно выдохнуть. Хотя бы на пару часов. Сажусь в машину, захлопываю за собой дверь и позволяю себе короткую секунду тишины. Руки на руле, лоб опущен на них. Потом глубокий вдох. Пора домой. Дорога знакомая, маршрут отточенный месяцами. Как будто сама машина знает каждый поворот. А мысли, несмотря на все старания, снова возвращаются к нему. К Ветру. Тот, чьё имя я сама себе запретила произносить вслух. Щёлкаю пальцами по рулю, будто выбирая все из головы.

— Не сейчас. И вообще не в этой жизни, — шепчу себе.

Пусть делает что хочет. Пусть сходит с ума, строит империи, женится, рушит миры. В моей жизни для него больше нет места. И не будет. Паркуюсь у дома. Сажу несколько секунд, задерживая взгляд на окнах соседей. Потом выпрямляюсь. Мне некогда тонуть в прошлом.

Не поднимаясь в квартиру, сразу сворачиваю к саду за Те-

мой. Там мой настоящий мир. Там моя сила.

Я иду по тропинке к саду, стараясь сдержать улыбку. Тяжёлый день всё ещё где-то за спиной, липнет к плечам усталостью, но стоит мне вспомнить, зачем я сюда иду, всё лишнее стирается.

Дверь садика скрипит, как всегда. На крыльце пахнет свежим деревом и чуть-чуть красками и пластилином. Я захожу внутрь и сразу слышу знакомый смех. Он узнаваемый среди сотни других детских голосов, звонкий, светлый, как брызги воды в солнечный день.

Воспитательница улыбается, когда видит меня:

— Алиса Сергеевна, ваш богатырь сейчас прибежит.

Киваю и делаю несколько шагов вперёд. И в ту же секунду топот маленьких ножек. И вот он, мой Тёма. Летит ко мне, как маленький торнадо, с растрёпанными волосами, в серой кофте и джинсах с цветными заплатками на коленях. В руках его любимый плюшевый кот.

— Ма-а-а-ма! — кричит он так, будто не видел меня вечность.

Приседаю и распахиваю руки. Он влетает ко мне, врезаюсь с разбега в грудь, обнимает так сильно, как только могут обнимать маленькие детские ручки.

— Привет, мой родной, — шепчу ему в макушку, вдыхая запах его волос, тёплый, солнечный, с чем-то сладковатым, как печенье.

Отстраняюсь чуть-чуть, чтобы посмотреть на него. И сно-

ва замираю на секунду. Серые глаза. Такие же. Глубокие, чистые... и до боли знакомые. Оттенок дождя и стали. Оттенок, который я думала больше никогда не увижу. Тёма смеётся, задевает мои волосы, как всегда в игре.

— Ты устала, мам? — спрашивает он серьёзно, заглядывая мне прямо в душу.

И этот взгляд снова режет меня изнутри, точная копия его отца. Но копия, которую я люблю больше жизни. Прячу дрожь улыбкой и целую его в нос.

— Немножко. Но теперь все хорошо. Теперь я с тобой.

Он смеётся и обнимает меня за шею:

— Я скучал сильно-сильно! Мы сегодня рисовали лисичек и ещё кормили рыбок в пруду! А у нас в группе новый плакат! И я на нём тоже есть!

— Молодец, мой чемпион, — шепчу я, подхватывая его на руки. — Всё успеем посмотреть.

Тёма прижимается ко мне, положив голову на плечо. Его маленькое сердечко бьётся рядом с моим. Мой мир. Мой смысл. Моя сила. Выхожу с ним на улицу, спускаю его и мы идем рядом. Ощущаю, как сердце постепенно отпускает. Всё остальное: работа, страхи, прошлое — можно будет пережить потом. Сейчас я держу в руках маленькую вселенную, ради которой я снова и снова поднимаюсь на ноги. И в его глазах моё напоминание: даже из боли может родиться счастье.

Мы идём домой медленно. Тротуар ещё тёплый от летнего

солнца, воздух пахнет травой и черёмухой. Тёма держит меня за руку цепко, с той серьёзностью, которая бывает только у детей, когда они чувствуют себя настоящими мужчинами.

— Мам, а мы сегодня на прогулке видели ёжика! — начинает он, широко открывая глаза. — Ну, не совсем ёжика... может, и не ёжика... а может, это была шишка, но она двигалась!

Я смеюсь тихо:

— Шишка, которая убегает — это редкость. Может, это был волшебный ёжик?

— Точно! Волшебный! — с восторгом подхватывает он. — А потом ещё... Мы строили замок из песка! Но Вовка его разломал, потому что он, ну, этот, хотел быть драконом!

Он машет руками, изображая, как "дракон" рушит замок.

— Драконы такие, — поддакиваю я, стараясь ловить каждое слово, каждый взмах его маленькой ладошки. — У них работа такая — разрушать.

Тёма кивает с важным видом и вдруг перескакивает на новую тему:

— А ещё я ел две булочки, представляешь?! И ни капельки не испачкался! Ну, почти...

Он гордо показывает мне свою кофту, где предательски красуется пятно от варенья. Я смеюсь снова, тепло, легко. Сердце оттаивает с каждой его фразой. Всё правильно. Всё хорошо. Мы почти подошли к дому, когда я чувствую какое-то напряжене, как тонкую струну в воздухе. Замедляю

шаг, оборачиваюсь. Ловлю краем глаза движение позади нас, в нескольких метрах, идёт мужчина в синей толстовке с капюшоном, надвинутым на лоб. Двигается вроде бы неспешно, но слишком уж внимательно. Слишком настойчиво держится на одной линии с нами. Я напрягаюсь. Пальцы инстинктивно крепче сжимаются вокруг ладошки Тёмы.

Он продолжает болтать про своих рыбок, про новый рисунок в группе, про то, что хочет, чтобы у нас был настоящий кот, но я слышу его уже сквозь тонкий звон тревоги.

— Мам, а котёнок будет спать у меня? Прямо в кроватке? Или надо ему отдельную кроватку? — спрашивает он, заглядывая мне в глаза.

Я улыбаюсь ему, будто ничего не происходит. Спокойствие. Только спокойствие.

— Обязательно заведём котёнка, чемпион. И пусть он спит, где захочет, — отвечаю ровно, прижимая его чуть ближе к себе.

Мимо проезжает машина. Мужчина в толстовке делает вид, что останавливается у столба, читает объявление, потом снова идёт за нами.

Чувствую, как сердце ускоряет ритм. Но ни шага быстрее. Ни взгляда назад. Мы почти у подъезда. И кто бы он ни был, я не позволю ему подойти ближе. Тёма ничего не замечает. Он счастлив. И я должна сохранить его улыбку. Как только мы приближаемся к подъезду, достаю чип, мгновенно открываю дверь, и мы проходим внутрь. Не дожидаясь пока

дверь сама закроется, я притягиваю ее и насильно захлопы-
ваю. Мы заходим в лифт, и поднимаемся к моей квартире. И
только закрыв за собой дверь на четыре замка, я чувствую се-
бя в безопасности. Темка уже побежал в свою комнату, гото-
вить место для котенка, а я все еще зависла в прихожей раз-
думывая над тем показалось мне, или все же за мной кто-то
следил. Может это человек Ветра. И в эту же секунду вздра-
гиваю от сильного стука в дверь.

Глава 6

Алиса

Стук повторяется. Короче. Жёстче. Я прижимаюсь к двери, дыхание сбивается. В глазке силуэт. Мужской? Сердце уходит в пятки. Я вцепляюсь в ручку так, что костяшки белеют. И вдруг проясняется рыжая грива кудрей. Варя. Стоит, надув губы, как обиженный школьник.

Я отступаю на шаг, распахиваю дверь.

— Ты чокнутая, — вырывается у меня. Голос срывается злым шёпотом, хотя пальцы дрожат от облегчения.

— Да ладно тебе, — Варя морщит нос и улыбается. — Я тихо стучала! Это дверь у тебя долбанутая, гремит как консервная банка. Передо мной бабулька дверь открывала вот я и прошмыгнула.

Варя без слов заходит внутрь и захлопывает за собой дверь. Поворачиваюсь к ней, всё ещё с трудом переводя дыхание.

— А позвонить, нет?

— Так я ж говорила тебе сегодня днем, что приду к тебе на чай. Ты серьёзно испугалась? — спрашивает она уже мягче.

Я глотаю ком в горле.

— Почти написала завещание, — отвечаю сухо. — Думала, что это мой придурок-бывший.

Мы молчим пару секунд. Потом я вскидываю подбородок:

— Но если бы это был Ветров, Варя... Я бы не плакала и не падала в обморок. Я бы встретила его как положено. — С топором? — с надеждой в голосе уточняет она.

— Минимум, — усмехаюсь я. — Проходи давай на кухню, — толкаю Варю слегка плечом, прогоняя остатки тревоги. — Чай так чай. Хозяйничай сама, знаешь, где что.

Она уверенно направляется к шкафчикам, а я быстро забегаю в комнату. Срываю с себя одежду, накидываю лёгкое домашнее платье, старое, но любимое, мягкое, уютное. Мельком заглядываю в детскую: Тёма сидит на ковре, увлечённо строит башню из конструктора, высунув кончик языка от концентрации. Улыбаюсь краем губ и тихо закрываю дверь.

Возвращаюсь на кухню, где Варя уже шумит чашками.

— Генка мне, по ходу, изменяет! — выпаливает она с такой злостью, что лимонная долька шлёпается в кружку, расплескивая воду.

Я прислоняюсь к косяку, скрещивая руки на груди:

— Серьёзное заявление. И почему мы так решили?

Варя вскидывает телефон перед моим лицом, экран светится скриншотом. Короткое сообщение от **Генеральный** *"Ничего не планируй на выходные с семьей. Ты на два дня мой!"*

— Вот! — почти шипит она, тыкая пальцем в слова.

Я морщу лоб. Прохожу к столу и беру кружку в руки.

— Может, по работе? — говорю с осторожностью, отпивая глоток горячего чая. — Генеральный всё-таки.

Варя замирает, застывает с приподнятыми бровями, морщит носик, будто унюхала что-то подозрительное. На секунду в её глазах мелькает сомнение. А потом она решительно трясёт головой так, что кудри подпрыгивают:

— Может... Но не думаю! Наверное, скрывает кого-то. — отрезает она и налегает на свой чай с таким видом, будто собирается в нём утопить все свои проблемы. — Ладно! Генке я яйца прикручу! Пусть не думает, что сможет свалить и оставить мне ипотеку на старость! Я его накажу — красиво и креативно!

Она хватает кухонное полотенце, делает угрожающий жест в воздухе, будто уже гонится за бедным Генкой. Я усмехаюсь, ставлю кружку на стол и сажусь напротив. Варя меняет тему.

— Ты мне скажи лучше, что ты решила?

— Решила с чем? — приподнимаю бровь.

— Ну, с Ветром! — Варя тут же наклоняется ближе, заговорицки шурясь, как будто за нами могут подслушивать стены.

Я вздыхаю, потираю виски:

— А что с ним решать? У него невеста. Ко мне он никакого отношения больше не имеет.

Варя с грохотом ставит свою кружку на стол.

— А как же его сын?! — Варя выпаливает так, что я едва не роняю чашку.

Внутри всё леденеет. Я поднимаю на неё взгляд.

— Вот ты сейчас меня бесишь, — говорю я спокойно. — Хорошо подумай, прежде чем продолжить. Я поднимаю со стола ложечку и слегка постукиваю ею по столешнице.

— Ложкой стукну, ей-богу, — шучу наполовину, а наполовину нет.

Варя поджимает губы, виновато опускает глаза.

Тишина на секунду нависает в кухне. Только Тёмин приглушённый голосок из комнаты напоминают о простом, о жизни.

— Может, он изменился... — несмело бормочет Варя, делая глоток чая.

Резко поднимаю ложечку и угрожающе машу ею над её головой. Варя тут же сжимается, вжимая голову в плечи и виновато хихикая.

— Живи! — снисходительно бросаю я, опуская орудие в чашку. — Не буду лишать себя своей единственной нормальной подруги.

— И я чётко слышала, — продолжаю, — как он Лису тогда говорил: "никаких детей". Для него это помеха. Это слабое место, через которое на него можно надавить. Он не может позволить себе такую угрозу.

Медленно отставляю кружку в сторону, чувствуя, как

внутри холодеет. Пальцы скользят по тёплой керамике, будто ища в ней опору. На секунду снова оказалась у приоткрытой двери кабинета Максима, крепко сжимая положительный тест на беременность. В тот момент промолчала, не зная как мне поступить, и по глупости в тот же вечер рассказала все Даше. А она подлила масла в огонь, сказав, что слышала сору Ветра с Никитой. И Макс грозился убить его, потому что считает, что тот слил информацию о товаре в порту. Они тогда даже подрались. И мне срочно надо разводиться с Максом и она уговорит брата, тоже уйти с Красного Отвода и мы все вместе уедем. Но в какой-то момент все пошло не так — Лису? — переспрашивает она, прищуриваясь.

— Да, — киваю я. — Лис — его узкоглазая правая рука. Жуткий тип... Не человек, а ледяная змея... И это всё, что ты услышала из того, что я тебе сказала? — вскидываю удивленно брови. Закатываю глаза к потолку и откидываюсь на спинку стула. — Господи, кого ты мне в подруги послал?

— Ну прости! — вздыхает Варя, поджимая губы. — Я просто... Я не хотела, правда.

Она ёрзает на месте, смущённо скручивая в руках салфетку. Рыжие кудри падают ей на глаза, и она торопливо заправляет их за ухо. Смотрю на неё, на её виноватую мордашку, на эту искреннюю растерянность, и как я могу на неё злиться? Никогда не могла. Выдохнув, я облакачиваюсь локтями о стол, смотрю ей прямо в глаза.

— И на минуточку, — произношу я тихо. — он первый,

кого я подозреваю в смерти моего брата. — Я помню... — шепчет Варя, опустив взгляд.

— Как я могу подпустить его к своему сыну, Варя? Как?! — голос срывается на шёпот, наполненный болью и яростью. Сжимаю кулаки на столешнице, чтобы не трястись. Варя молчит. Я выдыхаю, отодвигаю кружку. Слышу, как из комнаты доносится детский смех. И в этом смехе всё, ради чего я живу. Всё, ради чего нельзя позволить Ветру вернуться в мою жизнь.

Глава 7

Алиса

Сажу за столом, склонившись над кипой бумаг. Свет от настольной лампы выхватывает белизну листов и тонкие тени моих пальцев. Проверяю отчёты по семьям, которые курирую. Работа это мой способ держать мысли в узде, не дать им снова скатиться к тому, о ком думать запретила себе ещё пять лет назад назад.

Откидываюсь на спинку стула, кручу в руках ручку, задумчиво щёлкая колпачком. Черт! Забыла перезвонить Андрею. Он ещё вчера писал мне, и я обещала позвонить, когда уйдёт подруга. Беру телефон, зависаю над его именем. Вспоминаю поцелуй в машине, и почему-то откладываю телефон, будто обожглась. Сейчас не до этого.

Дверь резко распахивается и заходит Макс, заходит так, словно это его кабинет. Не стучит, не спрашивает. Просто открывает дверь, словно я здесь мебель, а не человек, и молча занимает кресло напротив меня. Спокойный, надменный, холодный. Медленно откладываю документы в сторону и откидываюсь на спинку кресла, скрещивая руки на груди.

Он медленно скользит взглядом по моему столу. На экра-

не телефона всё ещё мигает имя Андрея. Я ловлю, как уголок губ Макса чуть дёрнулся. Не ухмылка, скорее отметка: заметил.

— Значит, фамилию сменила, — произносит он, скользя по мне изучающим взглядом.

— Значит, — спокойно отвечаю, выдерживая его натиск. Он чуть дергает уголком губ, нечто среднее между ухмылкой и презрением, и, будто не слыша моего тона, продолжает:

— Не думал, что ты сможешь работать... здесь.

— Если ты о том, что наш главный спонсор, это твой филиал, — киваю, внутренне собираясь в кулак, — то будь уверен: если бы я знала, что он твой, я бы...

— Я к тому, — перебивает он, наклоняясь вперёд, — что у тебя, оказывается, есть такие способности.

Его голос ледяной, колючий. Я усмехаюсь, но в этой усмешке ни грамма радости.

— А ты думал, у меня есть способности только стоять тихо возле тебя и в нужный момент улыбаться в камеру? А потом молча исчезать, не лезть в твои дела, как делают жены всех твоих друзей?

Он выпрямляется смотрит на меня, словно я всё ещё где-то там, под его каблуком.

— Знал бы, что ты хочешь работать в таких условиях, сразу бы устроил тебя, — говорит он, лениво откидываясь в кресле, будто мы обсуждаем не мою жизнь, а погоду за окном. Как будто моё прошлое, просто пунктир в его делах.

Слышу эти слова, и что-то горячее и дикое вскипает внутри. Злость поднимается от живота к горлу, удушающей волной. Пальцы сами сжимаются на подлокотниках кресла, так сильно, что костяшки пальцев белеют. Мышцы на лице будто каменеют. Хочется встать, заорать, вцепиться в него руками, встряхнуть, заставить почувствовать хоть малую часть того, что он разрушил во мне. Но я стараюсь выглядеть спокойной. Выпрямляюсь, и смотрю ему прямо в глаза. Ледяным, безжалостным взглядом.

— Что тебе нужно, Ветров? Почему ты здесь?

Он на секунду замирает, разглядывает меня, как хищник смотрит на свою жертву.

— Вот думаю... Брак у нас не получился, — тянет он лениво, — может, работа получится?

Я резко встаю. Стул скребёт по полу, громко и неприятно.

— Не получится! — рублю коротко.

Макс медленно поднимается навстречу, его рост всегда давил, но не сегодня.

— Решила уволиться? — холодно уточняет он.

— Нет, решила взять отпуск за свой счёт. Пока ты здесь, — бросаю, снова скрестив руки на груди.

— На целый год? — он приподнимает бровь. — По словам твоей директрисы, ты незаменимый работник. Думаешь, она отпустит тебя так надолго?

— Ты здесь на год? — уточняю сквозь зубы, чувствуя, как пульс начинает колотиться в висках.

— Пока да. — Он говорит это легко, небрежно. — Я уже дом за городом снял. Так что... — он направляется к двери, явно давая понять, что считает разговор оконченным, — заходи в гости, если что.

Я взрываюсь. Всё накопленное за годы молчания, за годы боли и одиночества, вырывается наружу с силой урагана.

— Ты с будущей женой меня чаем с баранками угостишь?!

Макс резко оборачивается ко мне, его глаза сверкнули холодным, опасным светом. Но я не отступаю. Делаю шаг вперёд, сокращая расстояние почти до упора, чувствуя, как в груди натягивается боль, как старая незажившая рана снова рвётся кровью наружу.

— Моего брата тоже баранками угощали? Или свинцовыми пулями?! — бросаю в лицо, глухо и тяжело, будто каждое слово вырывается сквозь железную хватку боли.

Меня трясёт изнутри. Сжимается живот, но я стою. Стою, потому что слабость — это роскошь, которую я себе больше не позволю. Смотрю в его глаза, и внутри меня пульсирует один единственный вопрос: как он мог?

Ветров сначала замирает. Его глаза вспыхивают на долю секунды, челюсть сжимается так, что на скуле проступает жёсткая тень. Но в следующее же мгновение лицо снова становится ледяной маской.

Наклоняюсь ближе, чувствуя, как дрожит злость под кожей.

— Я тебя больше не боюсь, Ветров! — шиплю, в упор гля-

дя ему в глаза.

На мгновение тишина между нами сгущается, становится почти осязаемой. Макс усмехается краешком губ. Жестоко. Надменно. Так, как умеют только те, кто привык видеть мир под собой.

— А зря... — шепчет он, и его голос звучит тише, но тяжелее, будто груз на грудь. Он выходит, не оборачиваясь. А я стою, дышу тяжело, чувствуя, как сердце молотит в груди.

Глава 8

Алиса

Едва за Максом захлопывается дверь, и я только успеваю снова присесть за стол, как в кабинет врывается Орлов. Дверная ручка с треском бьётся о стену. Его тяжёлые, грузные шаги разносятся по кабинету, словно топот зверя в загоне. Не успеваю даже толком подняться, Орлов налетает, грубо сминая пространство между нами. Его пальцы, крепкие, как тиски, вцепляются в мои плечи и с силой прижимают к стене. Спина с глухим стуком ударяется о холодный гипс, отзываясь тупой болью в позвоночнике.

— Ты, тварь, кто тебе дал право в мою семью лезть?! — орёт он прямо в лицо, брызгая слюной. От его горячего, воющего дыхания меня передёргивает, но я стою, заставляя себя смотреть ему прямо в глаза.

Сердце с бешеной скоростью колотится где-то под горлом, стучит в ушах, в висках, в кончиках пальцев. Но я держу лицо, ровное, холодное, непроницаемое. Страх цепляется за внутренности острыми когтями, но я не даю ему вырваться наружу. Где охрана? Как он вообще сюда прошёл? Мысли скачут в панике.

— Отпусти меня, Орлов. Сейчас же, — мой голос выходит удивительно спокойным.

Он отвечает молча. Вытаскивает из кармана нож, тонкое, грязное лезвие сверкает в полутьме кабинета. Подносит его к моему лицу, и холодный металл касается кожи под подбородком. Кожа реагирует моментально: мурашки бегут по телу, дыхание сбивается.

— Ещё раз сунешься к Лене или к Мишке, клянусь, прикончу, поняла? — рычит он. — Сегодня же уговоришь Ленку вернуться домой. Отнимешь сына — закопаю, никто и не найдёт!

Холодное лезвие впивается в кожу под подбородком. Я ощущаю, как капля крови ползёт вниз, горячая и липкая. Паническая мысль вспыхивает: «А если он сейчас дернёт ручкой — и всё?» Перед глазами — лицо сына. Сердце падает в пропасть, но я всё равно смотрю ему прямо в глаза.

— Тебя снова посадят, Орлов. — говорю ровно, чётко, вглядываясь в его воспалённые, бешеные глаза. — И на этот раз надолго. Уже говорила тебе: прослежу за этим лично.

Он смеётся коротко, злобно, отвратительно. Нож дрожит в его руке, а затем Орлов резко вдавливая лезвие сильнее.

— Бессмертная, что ли?! — сипит он. — А ты, сука, смелая!

— Даже не представляешь, насколько! — срываюсь я, сама не понимая, откуда берётся сила. Резко поднимаю колени и со всей яростью бью его в пах. Орлов всхлипывает, скла-

дывается пополам, взывая от боли:

— Сууука!

Не теряю ни секунды. Бросаюсь к двери, рывком распахиваю её, но он как разъярённый зверь всё же успевает меня настигнуть. Его рука резко хватает меня за плечо и с силой толкает вперёд.

Мы оба падаем на пол. В последний момент выставляю ладони, чтобы не разбить лицо о твёрдые деревянные доски. Больно ударяюсь коленями, кожа на ладонях мгновенно саднит до жжения. В ушах звенит. На секунду теряю дыхание.

Сзади Орлов уже снова поднимается, и ощущаю, как его тяжёлая тень нависает надо мной. Внутри всё сжимается, но я сцепляю зубы. В следующую секунду всё происходит в один миг. Замечаю в проеме Макса. Он бросается к нам без единого слова. Ветров срывает Орлова с меня грубо, как тряпичную куклу. Толкает его на стену с такой силой, что та трескается, оставляя вмятину.

— Ты охренел, мразь? — рычит Макс и, не давая Орлову опомниться, с размаху бьёт его кулаком в челюсть.

Хруст костей глухо отдаётся в тишине кабинета. Орлов оседает вниз, захлебываясь воздухом, но Макс не даёт ему упасть. Он снова поднимает его за шкирку и вбивает плечом в стену, держит, как тряпку.

— Смертный приговор решил себе выписать? — шипит он, сжав Орлову горло.

Слышу, как тот сипит, беспомощно дрыгаясь. Через пару

секунд в кабинет наконец врывается охрана, двое крепких парней в чёрной форме. За ними и Варя, с сумочкой в руке, по-видимому, готовая ехать домой. Она сразу подходит ко мне. Макс бросает Орлова на пол, как мусор, делает шаг назад и орёт на охранников:

— Почему проебали посты, уроды?!

Охранники что-то мычат невнятное, затем подхватывают Орлова, выкручивая ему руки. Он захлёбывается матом, но никто даже не реагирует. Макс бросает на меня короткий взгляд, словно сканирует: целая ли я, на ногах ли. В его глазах нет ни капли мягкости, только бешеная ярость и холодное презрение. Он делает резкий шаг вперёд, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы:

— Этого тебе не хватало в нашем браке? — его голос звучит хрипло, угрожающе. — Адреналина?

Варя в панике. Смотрю на нее вся бледная. Подхватывает под локоть, помогает подняться. Её руки дрожат. Опираюсь на неё, но быстро отстраняюсь, выпрямляясь сама. Не хочу казаться слабой, особенно перед ним. Внутри всё горит. Злость подступает к горлу вместе с болью.

— Как раз этого мне хватало с головой! — выпаливаю, глядя ему прямо в лицо. — Мне не хватало любви! Не хватало понимания!

Макс зло усмехается, губы скривились в неприятной ухмылке.

— Нашла? Здесь? — он кивает в сторону двери, за кото-

рой только что выволокли Орлова.

— Господи, да у тебя кровь! — взвизгивает Варя, хватая меня за руку.

Я отдёргиваюсь.

— Я в порядке, — резко бросаю, не спуская глаз с Макса.

Он сжимает кулаки так, что хрустят суставы. Его глаза сверкают холодной сталью.

— Дура! — рычит мне в лицо, резко разворачивается и уходит, хлопая дверью так, что стена вздрагивает.

Варя снова хватает меня за руку:

— Пойдём, я обработаю тебя!

— Да в порядке я! — почти кричу, вырываясь из её рук.

Быстро хватаю с кресла свою сумочку и, едва сдерживая дрожь в пальцах, вылетаю из кабинета. Гулкий стук моих каблучков по пустому коридору заглушает всё остальное. Только бы не остановиться. Только бы не дать себе расклеиться. Выбегаю из здания, почти не замечая, как за спиной захлопываются тяжёлые двери. Асфальт под ногами кажется зыбким. На автомате подхожу к машине, цепляюсь пальцами за холодную дверную ручку...И замираю. Не могу сразу открыть. Не могу сделать ни одного движения. Стою, опустив голову, тяжело дыша, будто только что пробежала марафон. Пальцы дрожат. В висках бьётся глухая боль.

Чёрт, как же я устала держаться. Как же надоело быть сильной.

Горло сдавливают судорогой, дыхание сбивается, и я упи-

раюсь лбом в крышу машины, закрывая глаза. Изнутри всё хлопочет от обиды, ярости и бессилия. Макс. Орлов. Вся эта жизнь, в которой мне снова приходится выживать.

— Соберись, Алиса... — шепчу сама себе, ощущая, как по щеке скатывается одна-единственная, предательская слеза. Быстро смахиваю её тыльной стороной ладони. Не позволю им сломать меня. Ни ему. Ни другим. Никому. Резко выпрямляюсь, с силой дёргаю дверь, бросаю сумку на переднее сиденье. Сажусь за руль и, сжав его крепко, пару раз глубоко вдыхаю. Пытаюсь вернуть дыхание, вернуть контроль над собой.

Домой. К сыну. Только это сейчас имеет значение.

Глава 9

Макс

Я захлопываю за собой дверь машины с такой силой, что стекло дребезжит в раме. Сразу завожу мотор и двигаю с места. Нужно разложить всё по полкам. Орлов — мусор. Таким, как он, место на дне. Его выходка меня не удивила. То, что Орлов полез именно на неё — вот что бесит. Не потому, что мне её жалко. Нет. Потому что это *удар по мне*. Не дай бог просочиться еще что она моя бывшая жена! Теперь Алиса — проблема. Ненужная, опасная проблема. Никитос конечно хорошо ее спрятал и до последнего не говорил где она.

А теперь, пожалуйста: Алиса Корнилова — один из кураторов проекта, за который я теперь отвечаю лично. Проекта, который должен был стать моей публичной отмывкой после всего того дерьма в порту. Судьба, видите ли, решила поиздеваться. Смешно.

Вспоминаю её лицо. Упрямая линия губ, такая знакомая до боли, до злости. Взгляд острый, дерзкий. В ту первую секунду, когда она увидела меня, в её глазах вспыхнуло нечто. Не страх даже, скорее... растерянность. Мелькнула, исчезла. А потом — всё. Подбородок вверх, плечи расправлены, буд-

то между нами никогда ничего не было. Умница. Хотя раз в жизни сделала правильный выбор — молчать.

И всё же она не изменилась. Ни черта. Та же маленькая, бешеная кошка, что шипит, когда её тронешь не так. Всегда лезла туда, куда не просили. В чужие дела, в разговоры, в ситуации, которые могли закончиться гробом. Но в браке со мной она была другой. Спокойнее. Или, по крайней мере, умела делать вид. Я её держал. В узде, по-честному. Потому что знал, как. Знал, на какие кнопки давить. Где лаской, а где жёстко. Она была моей — и с этим не спорила.

Что она сейчас делает в этом клоповнике? Зачем, черт подери, лезет в жизни других, если свою развалила до основания?

Дура! Пытается играть в спасительницу, в куратора семей. А сама? Свою семью пустила под откос, даже слова не сказав, просто исчезла. Трусиха. Не хватило духу ни объяснить, ни остаться. Черт! Мало сейчас у меня проблем, теперь ещё с ней возиться. Но я не намерен позволить ей валить мои планы из-за своих старых обид. Если она встанет поперёк дороги — снесу. Без сожалений. Просто снесу. Никаких глупых эмоций. Никакой жалости. Она сделала свой выбор, когда решила со мной развестись. Мямлила что-то про не сошлись характером И нет взаимопонимания Нет семьи... Ты знала, но что шла девочка! Что-то я не слышал об этом, когда она ночами дрожала от страсти в моих руках. Или когда по несколько раз в год летали на Мальдивы, только по

тому что моей кошке хотелось перезагрузки от моих обводовских игр- как она называла. Затем в один момент заладила развод, а потом вообще исчезла. И на какую жизнь она все променяла? На этот гребаный клоповник! Чтобы какой-то имбицил порезал ей горло ножом. Причем из-за чужих проблем. Дура! Её выбор — её проблемы. Я здесь не для того, чтобы спасать прошлое. Я здесь для того, чтобы контролировать будущее. И первое, что я сделаю, поставлю её на место. Жёстко. Быстро. Чтобы раз и навсегда выбить из её головы мысли о том, что она может мне мешать. Надеюсь ей хватит мозгов, чтобы не трепаться о том, что мы вообще были раньше знакомы.

Телефон противно вибрирует на панели. На экране мигает имя: **Дарья**. Челюсть напрягается, но всё же смахиваю значок ответа.

— Что? — рычу в трубку, не скрывая раздражения.

— Котик, мы поужинаем дома? Или мне подготовиться и поедem куда-то?

Мысленно перекрываю тормоза, но голос вырывается с резкостью:

— Какой нахер котик? Я тебе сколько раз говорил, не называй меня так! Ужинай где хочешь, у меня дела.

Сбрасываю вызов. Телефон швыряю обратно на панель, он глухо ударяется об пластик и съезжает под стекло. Бесит. До тика под глазом. Надо заканчивать с ней. Слишком уж задержалась в моей постели. Расслабился. К вопросу о бу-

душей жене еще вернусь. Промолчал на встрече, не потому, что не было что сказать, а потому, что заметил как это задело Алису. Да и может, к лучшему. Пусть бывшая думает, что у меня кто-то есть. Но Даша... Решила, что если пускаю в спальню значит, дал доступ в жизнь? Промахнулась. Сильно. Ей еще везет, что секретарь из нее хороший, претензий нет.

На перекрёстке торможу. Слева подростки на электросамокатах играют в гонки, справа дед в кепке толкает ржавую тележку, доверху забитую бутылками. Лето. Город бурлит. Шум, запах бензина, окна открыты в каждой второй машине. В салон проникает кислый дух улицы, но я не замечаю ничего, кроме собственного напряжения. Я снова вдавливаю педаль газа. Машина рвётся вперёд, шум мотора перекрывает собственные мысли. Дворы сменяются офисами, затем парком. Мимо проносится заправка, оттуда тянет жареной кукурузой и пылью. Кто-то продаёт цветы прямо с обочины, пёстрые букеты в ведре, будто нарочно для похорон чего-то, что уже умерло. В этом городе всё не то, всё продажное. Все продажи. Как и в этой жизни. Даже те, кто клянётся, что любит.

Глава 10

Макс

Заезжаю в богом забытый ресторан, куда назначили встречу. Ожидаю увидеть забегаловку с пластиковыми скатертями и жирными шторами, а в итоге оказываюсь приятно удивлён. Интерьер — на уровне. Потолки высокие, тёмное дерево, мягкий свет, негромкий джаз льётся из колонок. В этом маленьком городке такое место, как дорогой костюм на бродяге. Не вяжется. Но мне это даже нравится. За столиком в углу уже сидит Лис и мэр, рыхлый, седеющий мужик с опухшим лицом, типичный политический марионетка. Рядом с ним девушка, вся в белом, с театральной улыбкой и вырезом до пупа.

Подхожу. Мэр тут же подскакивает, тянет свою вспотевшую ладонь:

— Максим Андреевич! Рад, очень рад принимать таких гостей в нашем городе!

— Спасибо. — коротко, сухо. Руку жму быстро.

— Позвольте представить... Мия, мой пресс-секретарь. Очень талантливая девочка. Умница. Просто красавица. Настоящий знаток своего дела!

— Рада знакомству, — растягивает надутые губы в «улыбке» и кивает мне. Голос чуть выше, чем нужно, взгляд — цепкий, будто давно всё решила.

Молча оцениваю её: губы, как будто перекачанные, грудь на грани вываливания. От одного взгляда на декольте понятно, что она пришла сюда не по протоколу.

— Вижу, в этом городе у вас все умницы и красавицы... — скептически произношу, вспоминая, как пару дней назад так же представляли Алису.

— Ну что вы! — жеманно вздыхает Мия, хлопая ресницами, будто с рекламы туши.

Шлюха. Я таких насквозь вижу. С ними даже говорить не хочется. Только в горло, и желательно без звука.

— Мы уже заказали ужин, — кокетливо тянет она, подавая мне меню. — Вы что-нибудь посмотрите?

Пальцы «невзначай» скользят по моей руке. Поднимаю взгляд. Смотрит, прикусывая губу, явно надеясь, что получит реакцию. Не дождётся.

— Я выпью. — рывкаю официанту, как будто хочу отпугнуть муху, жужжащую над ухом. — Виски, двойной. Без льда.

Девка моргает, не привыкла к отказу? А мне плевать. Мэр радостно откашливается и переходит к делу. Говорит о пресс-конференции, о логистике, безопасности. Маячит что-то про журналистов. Это мне важно. Очень. Пресса должна быть под контролем. Никаких лишних фото. Ни од-

ного левого вопроса. Если кто-то откроет рот не по сценарию, его карьеру закопают, как неудачный проект. Мне нужен чистый, вылизанный эфир. Этот мир должен видеть только то, что я покажу.

Встреча подходит к концу. Мэр поднимается первым, хлопая меня по плечу с фальшивой, приторной улыбкой.

— Простите, Максим Андреевич, мне к семье. Дети ждут, — говорит, будто оправдываясь, и уже через пару секунд исчезает в коридоре, как будто его здесь и не было. Лис выходит следом, кивая мне коротко. Без слов. Как и должно быть.

Мия остаётся. Потягивает свой martini, глядя на меня из-под густо накрашенных ресниц. Этот взгляд, смесь похоти и расчёта. Она явно думает, что способна меня чем-то удивить. Дешёвый приём, будто я таких не видел. Сколько их было... всех одинаково тянет на власть, на деньги. Думают, если лягут под нужного мужика, поймут билет в новую жизнь. Только не со мной.

Молча бросаю на стол купюры, даже не глядя, сколько. Официантам здесь за такие встречи чаевых хватает с головой. Встаю, она тянется следом, изгибаясь всем телом, будто это шоу для одного зрителя.

— Может продолжим в неформальной обстановке? — голос сладкий, как густой сироп, от которого тошнит.

Серьёзно? Бля-я. Ну ладно, сама напросилась.

— У вас здесь отель приличный есть? — спрашиваю сухо, не меняя выражения лица.

Она тут же расцветает, как будто это приглашение в рай.
— Конечно, лучший в городе. Я всё устрою, — говорит и идёт вперёд, вилимая бёдрами, будто по подиуму. Платье натягивается на заднице так, что видно, какого цвета на ней бельё.

Пока идём к выходу, думаю только об одном, нужно срочно выстроить контроль над этой чёртовой территорией. Понять каким боком моя бывшая именно здесь и разобраться с ней. До того как она снова сунется не в своё дело.

В машине едем молча. До места назначения добираемся быстро. Отель оказывается на удивление приличным. Строгий интерьер, запах дорогой древесины, стекло, кожа, тишина. Всё слишком прилично для того, что должно было случиться. На ресепшене Мия держится уверенно, даже вызывающе, медленно поворачивает голову через плечо, сверлит меня томным взглядом, будто уже раздевая. Не знаю что она ожидает, но будет точно не так.

Я молчу. Просто иду за ней. В лифте ни слова. Только взгляд. Жёсткий, прямой. А она играет. Будто нарочно прикусывает губу, не прячась. Провоцирует.

В номере скидывает туфли и, не теряя ни секунды, выгибается у кресла, будто позирует. — Может, закажем шампанское? — голос тянувшийся, ленивый, как шёлк, но с фальшью на грани. Она знает, зачем здесь. Я тоже.

Захлопываю дверь, щёлкаю замок. Ложу ключ на стол с таким звуком, будто выстрелил. Подохожу к ней вплотную,

чувствую, как она задерживает дыхание.

— Ты не пить пришла, — тихо, почти без интонации.

Она выдает короткий смешок. Хотела сыграть, но я не даю. Хватаю ее за подбородок, резко, без украшений. Поднимаю её лицо — глаза в глаза. — Здесь не будет романтики. Хватит притворства. Ты знала, на что идёшь.

Мия сглатывает. И всё, что смогла сделать, снова слегка прикусывает губу. Нет ответа. Ни «да», ни «нет». Разворачиваю её к стене. Жёстко. Она подчиняется. Молча. Медленно поднимает ладони и упирается в стену. Я расстегиваю ремень. Звяк металла в тишине номера звучит громче, чем её дыхание. Опускаю брюки, подхожу плотнее, прижимаясь к её спине. Сквозь ткань чувствую как она дрожит от предвкушения. Сдергиваю с неё платье до пояса. Грудь голая, напряжённая, спина выгнута, бёдра чуть отставлены. Готова. Без слов. Задираю подол, трусики даже не снял, рванул вниз, и ткань лопает. — Так лучше, — прошептал ей в ухо, прижавшись. — Без церемоний.

Вхожу в неё сразу. Глубоко. Без подготовки. Без «можно?» и «ты точно хочешь?» Она всхлипывает, цепляясь пальцами в обои, будто это могло её удержать. Мои руки ложатся на её бёдра, потом выше, одна на грудь, вторая на горло. Сжимаю не до боли, но с достаточной силой, чтобы она чувствовала, кто здесь главный. Двигаюсь резко, хлёстко, задавая ритм, будто отрабатываю злость. Она подхватывает, не просит остановиться, наоборот, вжимается в меня бедрами,

будто просила глубже.

— Это ведь то, что ты хотела, м? — рычу, наклоняясь к уху. Грубее. Сильнее. Без поцелуев. Без лжи.

Она кивает, едва заметно. Или просто не может говорить. Я ускоряюсь. Стон из её горла становится криком. В нужный момент отстраняюсь и кончаю ей на поясницу, чуть выше ягодиц. Белая горячая метка на коже. Как подпись. Как факт. Молча отхожу в ванную, прохладный свет и запах влажного камня. Открываю кран и жду, пока вода наберёт нужную температуру. Опрокидываю лицо под поток, будто смывая остатки всего, что было минутами раньше. Не чувств их там не было. Просто нужно было сбросить напряжение.

Слышу шаги. Мягкие, босые. Она подходит сзади не торопясь. Я не оборачиваюсь. Стою, держась за край раковины. Вижу её отражение в матовом стекле, обнажённая, глаза полуприкрыты, волосы растрёпаны. Как будто, ей есть что сказать. Она касается меня осторожно, ладонями по спине, обнимает, прижимаясь телом. Тёплая, мягкая, скользкая. Цепляется. Думает, это что-то значит? Я не двигаюсь. Отключаю воду. Выпрямляюсь и отстраняюсь на шаг.

— Можешь идти, — говорю холодно, не глядя.

— Но... — её голос срывается, будто она не ожидала.

— Свалила в ночь! — перебиваю. — Увидимся на конференции.

Захожу в душевую кабину и закрываю за собой стеклянную дверь. Теплая вода хлещет по плечам. Тишина. Только

шум воды и глухая, навязчивая пульсация в висках. Когда выхожу, её уже нет. Ни одежды, ни запаха парфюма. Чисто. Пусто. Прохожу в спальню, плюхаюсь на кровать и моментально отключаюсь. Не хочу больше думать. Ни о ком. Ни о чем.

Просыпаюсь рано. В голове пустота. Ни мыслей, ни сожалений. Просто утро. Одеваюсь не спеша и покидаю отель. Надо бы позавтракать, но все позже. Сегодня важный день.

Путь до загородного дома занимает не больше сорока минут. Асфальт блестит после ночного дождя, шины шелестят по лужам. В голове тишина. Она всегда там, когда мне это нужно. Дом двухэтажный, стекло и дерево, сдержанный комфорт, никакой показухи. Здесь я могу отключиться. Или хотя бы сделать вид. Открываю дверь ключем. В холле прохладно, пахнет чистыми поверхностями и кофе, значит, домработница уже на месте. Так и есть, встречает меня как только вхожу в дом.

— Кофе. Принеси в кабинет, — говорю, проходя мимо нее.

— Конечно, — откликается она тихо.

Сажусь в кресло, вытягиваю ноги, закрываю глаза на пару секунд. Резкий хлопок двери. Сначала входит домработница с подносом, движется тихо, будто извиняется за чужую бую. За ней — Даша. Громкая, как всегда. Летит в комнату с разбега.

— Ты серьёзно?! — выпаливает она, не обращая вни-

мания на домработницу. — Где ты, чёрт побери, был всю ночь?!

Принимаю чашку, киваю женщине. Та уходит быстро, не встречая.

— Я тебе звонила. Писала. Ждала, как дура. Целую ночь! А ты даже не счёл нужным ответить! — истерит словно это впервые.

Делаю глоток кофе. Горький, крепкий, с идеально выведенной температурой. Смотрю на неё спокойно. Без эмоций. Просто жду, пока выдохнется.

— Тебе плевать, да? Ты даже не собираешься объяснять, что это было?

— Это, — говорю, отставляя чашку, — не твоё дело.

Она будто остолбеневает.

— Что?!

— Я тебе ничего не должен. Где я был, с кем и зачем — тебя не касается. Никогда не касалось. Ты здесь не потому, что у тебя есть на это право.

— Макс, — голос уже неуверенный, — ты... ты же знаешь, что я...

— Нет, — перебиваю. — Не знаю. И знать не хочу.

Встаю, беру с собой кофе, чтобы продолжить на террасе, прохожу мимо неё. Она чуть отступает в сторону, растерянная. Без плана. Без оружия.

— Запомни на будущее, — говорю на выходе. — Мне не устраивают сцены. Ты хороший работник, с которым я ино-

гда сплю, и здесь ты только потому, что пока мне так удобно. Она остаётся стоять на месте, вся дрожь, вся истерика разбиваются о моё безразличие.

— Не нужно устраивать цирк в моём доме, — бросаю на ходу. — У нас сегодня конференция. Надеюсь, ты там сможешь держать лицо.

Глава 11

Алиса

Стою у шкафа и смотрю на вешалки, как на врагов. Жарко, липко, душно — лето, чтоб его. Вместо того чтобы дышать кондиционером в кабинете, собираюсь тащиться на конференцию, где все будут делать вид, что у них всё под контролем. Не хочу. Ни на грамм. Но директриса смотрела вчера на меня так, будто от моего присутствия зависит судьба всего центра. «Алиса, это правда важно. Там будут потенциальные партнёры...» Ага. Потенциальные зевки, скорее. Но я же не умею отказывать, когда речь идёт о деле. Ну да, «лицо проекта», и почему вдруг я?! Приятно, конечно, но где-то между этим «лицом» и бессонной ночью, потеряла последнюю каплю желания туда идти.

Слышу звонок мобильного и выкапываю его из горки моих вещей на кровати. Андрей Меня сразу бросает в жар. Я осознаю, что все это время проигнорировала его, так и не набрав.

— Алло, — жму на зелёную кнопку и делаю вид, что голос у меня бодрый, а не сонный и раздражённый.

— Алиса! — радостно, слишком радостно, как будто мы

месяц не виделись. — Ну наконец-то, Малыш. Я уж думал, ты поменяла номер.

— Не поменяла, — вздыхаю. — Просто много работы.

— Понимаю, все как всегда. — Его голос мягкий, без упрёка, но мне почему-то становится неловко. — Я тебя не отвлекаю?

— Как сказать... Стою перед шкафом, веду переговоры с вешалками. Всё никак не выберу, что надеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.